

THIRTEEN MONTHS

Тринадцать месяцев

Сборник рассказов

ДЖОН РАТТЛЕР

16+

Джон Раттлер

Тринадцать месяцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64641507

SelfPub; 2021

Аннотация

Дорогие друзья! В течение целого года я создавал по одному рассказу в месяц. Каждый из них передает настроение времени так, как его чувствует автор. Все рассказы разные – романтические, фантастические, мистические, жестокие или грустные, философские или юмористические. В этом сборнике вы встретите самых разных героев, самые неожиданные ситуации. От Санта Клауса до Пифагора, от Римского колизея до заснеженных пустошей погибающего мира. Приятного чтения, ваш Джон Раттлер.

Содержание

Январь	4
Февраль	27
Март	38
Апрель	43
Май	59
Июнь	64
Июль	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Джон Раттлер

Тринадцать месяцев

Январь

Пятый день шел снег.

Я вышел на крыльцо, закурил и задумался, глядя на медленно падающие огромные белые хлопья. Снег не был мокрым – нет, он был добротным, тем самым снегом, от которого бывает потом много хлеба. Было тихо-тихо, даже глухо. И абсолютно безветренно.

Я докурил и вернулся в дом. На кухне Владимир включил телевизор, показывали новости. Я налил крепкого чаю и сел за стол.

– Что говорят?

Он намазал на хлеб масло и ответил:

– Да ничего. После Нового года ничего не происходит, даже цены не растут.

– Ну, вот и славно.

Мы оба находились в отпуске, призванном продлить рождественскую сказку, причём избавив ее от оленей, дедов морозов, пьяных гостей, дурацких подарков и майонеза. Сегодня в планах у нас была подледная рыбалка. Я сказал:

– Ты видел, что творится на улице? Снега по грудь.

– Не пойдём?

– Не дойдём.

Он пожал плечами.

– Сигареты кончаются. Доберемся до магазина, закинем курева и пива. Порубимся в денди. Я достал редкий картридж, заценим.

– Годится.

Я уставился в телевизор. Бормотание магического ящика никак не вязалось с видеорядом, но все равно цепляло. Девушка с нарисованными бровями рассказывала о последних исследованиях иностранных ученых.

– Среди аномальных районов оказались Восточная Европа, Франция, снег выпал в Италии и на Кипре. По данным Всемирного океанического центра, уровень мирового океана понизился за последний месяц на три сантиметра.

Я взял пульт и вырубил звук.

– Очередной отвлекающий маневр правительства. Пока все мусолят новый псевдо-катаклизм, можно ещё пару раз поднять налоги.

Владимир согласно кивнул.

– Давай до магазина, пока совсем не завалило.

Мы убрали посуду и вышли на улицу. Автомобильные ворота совершенно занесло. Немного помахав лопатой, решили пройтись пешком.

С трудом открыв калитку, я выбрался на проезжую часть, увязнув в сугробе по пояс.

– Чистить никто не собирается, как обычно.

Володя хмыкнул и пошёл дальше. На проселочной дороге снега насыпало почти по колено, но идти было можно. Мы добрались до выезда из посёлка и увидели огромную пробку. Автомобили буксовали, колеса прокручивались в коричневой снежной каше. На пригорке, где был наш магазинчик, большой трактор развернуло почти поперёк проезжей части. Он пытался сдать назад, но его уже подпирали нетерпеливые водители, делая маневр невозможным. Я обернулся к Владимиру.

– Очень удачно, что ворота не открылись.

Он снова хмыкнул, и мы стали пробираться по обочине, которая превратилась в сплошное месиво слегка влажной грязи. Минут через десять, изрядно вспотевшие, мы завалились в магазин. Продавщица меня узнала.

– Батонов нет, только черный.

Я махнул рукой.

– Давайте. Сигарет, чаю и пива.

Она собрала наши покупки в пакеты.

– Завтра не работаем. Товар заканчивается.

– А что так?

– Завоз отменили.

Мы посоветовались и взяли еще продуктов. Ломая ноги, с трудом доковыляли назад, разгрузились и открыли по банке пива. Володя поглядел на электрические провода, которые провисли под тяжестью снега, и сказал:

– Нам бы очистить дорогу к гаражу. Может понадобится генератор.

Я согласно кивнул, и мы принялись раскапывать подход к задней двери двухэтажного домика, на первом этаже которого находился гараж и банька. Работа заняла у нас полтора часа, и мы, вконец измученные, но с чувством выполненного долга, зашли домой.

Несколько часов мы наслаждались тишиной, спокойно развлекаясь игрой в старинную приставку. Выйдя в очередной раз на перекур, мы обнаружили, что наша тропа к гаражу засыпана свежим снегом минимум на четверть. Мы снова взялись за лопаты. Освободив проход, Владимир снова закурил и заметил:

– С этим нужно что-то делать.

Возле гаража лежала куча досок, которые остались от старого сарая. Я предложил накидать их сверху, так как высота снежных стен уже превышала рост человека – ведь весь снег мы выбрасывали наверх. Раскопав стеллаж, мы соорудили крышу. Получился настоящий тоннель. Довольные, мы вернулись в дом. Уже совсем стемнело, мы оба устали, так что, перекусив, отправились спать.

Проснулся я рано и сразу же направился приводить себя в порядок – вчерашние посиделки не прошли бесследно. В ванной я обнаружил, что света нет. Кое-как почистив зубы, я спустился на первый этаж. Там было очень темно. Я отдер-

нул шторы и увидел, что окна практически полностью завалены снегом. Пришлось накинуть куртку и проверить входную дверь. Открылась она с большим трудом – на крыльце тоже было полно снега, и если бы не арка над входом, которая защитила его от осадков, мне бы не удалось этого сделать.

Лопата стояла рядом, и я быстро расчистил снег, освободив доступ к тоннелю, который мы предусмотрительно соорудили накануне. Дощатый настил отлично держал снежную массу, которая образовалась за ночь. Я пробрался в гараж и запустил генератор. Хорошо, что его выхлопная труба заканчивалась высоко на крыше, иначе бы ничего не вышло. Я вернулся и разбудил Владимира.

Мы выглянули в окно второго этажа – снег лежал ровным слоем, закрывая гараж почти до самой крыши. Но самым неприятным оказалось то, что он продолжал идти.

Мы спустились вниз и проверили запасы еды – ее было довольно много, можно растянуть на пару недель. Хуже дела обстояли с генератором – бензина было литров двести, но при постоянной работе этого хватит всего на три-четыре дня. Газ пока продолжал поступать, бойлер работал, и в доме было тепло. Я решил позвонить родителям, но связи не было. Мы молча пили чай, пытаясь найти работающий телевизионный канал. Почти все передавали настроечную решетку. Наконец, нам удалось поймать сигнал. На экране появился мужчина в военной форме.

– ... гражданского населения. Группы эвакуации сопрово-

дят вас к местам реабилитации. В случае возможности самостоятельного перемещения, проследуйте к ближайшим станциям метро, там вам окажут помощь и разместят в подземном эвакуационном лагере. Ни в коем случае не предпринимайте попыток самостоятельного перемещения, если центры эвакуации удалены от вас более чем на два километра. Просим всех сохранять спокойствие. Погодные условия в скором времени нормализуются.

Я покачал головой. Владимир заметил:

– Звучит обнадеживающе...

– Уровень воды в океане упал на три сантиметра. Это те самые?

– Если так, то в ближайшее время ничего не прекратится.

– Как долго ещё будет поступать газ?

Он почесал щетину.

– У нас приличная поленница дров. Камин должен справиться.

– Она с другой стороны дома.

– Откроем окно в гостиной, пророем к ней проход.

– А снег куда девать?

– Будем носить ведрами наверх и высыпать из окна второго этажа.

Мы решили не ждать, пока отключится газ, и принялись за дело. Это оказалось не так просто – снега было много, и пришлось бесчисленное количество раз подниматься с ведрами наверх, чтобы опорожнить их через окно спальни. Ко-

гда мы, наконец, закончили, перенеся дрова в дом и аккуратно сложив их в гостиной, а также вытерев лужи талой воды, прошло несколько часов. Уровень снега достиг крыши гаража. Мы сделали шест с отметками и закрепили его за окном второго этажа, чтобы узнать, с какой скоростью нас засыпает. Я приготовил обед. Мы устроились на кухне и снова попробовали включить телевизор. По-прежнему работал один канал. Женщина в военной форме монотонно вещала с экрана, никаких сопровождающих кадров, к которым все так привыкли, не было.

– ... во всех населенных районах планеты. Северная Америка терпит экологическое бедствие. На всём континенте наблюдается резкое похолодание. Снежный циклон продвигается с полюсов к экватору, облачный покров распространился на три четверти земного шара. В Европе введено военное положение. Президент Российской Федерации призывает вас сохранять спокойствие – мы находимся в более выгодном положении, население обеспечено тёплой одеждой, наши дома приспособлены к минусовым температурам, коммуникации работают почти без перебоев. Эвакуировано более тридцати процентов населения, сейчас им предоставлены убежище и еда. Снег не может идти вечно.

Владимир с досадой выключил телевизор.

– Тридцать процентов! Сволочи. Сколько народу уже замерзло насмерть?

Я отвернулся. Не хотелось об этом думать – что с родны-

ми, которые живут в многоквартирных домах, как они, успели добраться до центров эвакуации и есть ли вообще эти центры? Я ответил:

– Они сказали, что снежный циклон продолжает продвигаться к экватору. Значит, это ещё даже не середина, катастрофа только начинает развиваться...

– Можно попробовать соорудить лыжи снегоступы. Добраться до соседей, узнать, как они там...

– Я не видел, чтобы у них горел свет.

– Если их нет, можно использовать их припасы, когда наши закончатся.

– Согласен, лыжи пригодятся.

Мы взялись за дело с большим энтузиазмом. Сидеть и ждать было просто невыносимо, в голову лезли разные мысли – и по большей части они были не слишком приятными.

Я сходил в гараж и принёс инструменты. Настил держался прочно, и мы ещё раз порадовались своей предусмотрительности. Генератор решили отключить и запускать только по необходимости. Владимир строгал доски, я занимался креплениями. Ни у кого из нас не было опыта изготовления снегоступов, поэтому работа продвигалась медленно. Было уже совсем темно, когда мы закончили. Лыжи получились грубые и тяжелые, но прочные. Я сходил наверх и проверил уровень снега. Он уже поднялся до половины окна. Путём нехитрых вычислений мы установили, что снежный покров растёт со скоростью чуть больше двадцати сантимет-

ров в час. Следовательно, утром нам придётся выбираться наружу из слухового окошка под крышей, потому что окна второго этажа за ночь засыплет.

Ночью прекратилась подача газа.

Мы развели огонь в камине, быстро перекусили и предприняли попытку выбраться на снег. Он полностью засыпал окна, но от слухового окна на чердаке до низа оставалось ещё полтора метра. Владимир привязал к дымоходу крепкий канат, который нашёлся в гараже, мы сбросили вниз старую дверь, на неё два комплекта снегоступов и только потом спустились сами. Стоя на двери, мы аккуратно надели лыжи и попробовали на них передвигаться. Снегоступы держали. Осмотревшись, мы заметили, что труба генератора торчит из-под снега всего на полметра. Исходя из наших расчетов, через три часа мы даже не сможем ее отыскать.

– У нас есть ещё такая труба? – спросил я. Владимир посмотрел вверх – снова забираться в слуховое окно не хотелось.

– Сначала попробуем добраться до соседа, должны успеть.

Мы осторожно стали продвигаться в сторону большого высокого дома, окна второго этажа которого еще виднелись из-под снега.

Это оказалось сложнее, чем мы предполагали – снегоступы так и норовили уйти вниз, снег угрожающе скрипел, ступать приходилось на полусогнутых, постоянно контролируя

распределение веса. Три раза мы останавливались на отдых, когда ноги начинали нестерпимо гореть. На то, чтобы преодолеть триста пятьдесят метров, нам потребовалось сорок минут. С выходящей к нам стороны дома находился балкон, его козырёк частично закрывал окна. В этом месте образовалась яма, в которую мы скатились, из последних сил переставляя ноги. Рамы окон были практически полностью свободны от снега. Я заглянул внутрь – света не было. Мы постучали. Владимир снял шапку и прислонился ухом к стеклу.

– Тишина. Что дальше?

– Надо заходить.

– Это же мародерство.

Я усмехнулся.

– Значит, нас арестуют, когда откопают.

Мы попробовали выдавить стекло, но окно неожиданно распахнулось. Я чуть не свалился внутрь.

– Его не заперли. Странно.

Мы проникли в помещение – в доме было холодно. Осмотрев верхний этаж, мы никого не обнаружили и спустились вниз. В доме была дорогая обстановка, хозяин явно не испытывал нужды в финансах. Владимир покрутил в руках бронзовую статуэтку слона, инкрустированную камнями.

– Чувствую себя последним домушником. Давай все осмотрим и будем выбираться.

Мы разошлись по комнатам. Я попал на кухню, проверил ящики – тут было чем поживиться. Консервированные про-

дукты, крупы, сахар. Я уже собрался проверить холодильник, когда услышал, что меня зовёт Владимир.

Он стоял в небольшой комнате с коврами на стенах, по которым были развешаны иконы и старые фотографии в рамках. В темноте я не сразу понял, на что он смотрит.

Она сидела в кресле, укрывшись вязаным пледом. Старухе было за семьдесят, и она была мертва. Володя обернулся.

– Тут есть камин и полно дров. Она не разводила огонь.

– Похоже, замерзла.

– Что тут еще есть?

– Под лестницей запасные газовые баллоны с пропаном.

– Сможем использовать?

– Мы их не доведем, они провалятся под снег.

– Жаль.

– Она не разобралась, как переключить вентиля на бойлере. С ней был кто-то ещё, потом ушёл и не вернулся.

– С чего ты взял?

– Она не могла жить тут одна. Кто-то должен был управлять всем этим хозяйством. Они не могли ее бросить одну в доме, и снег не упал на нас внезапно. Ее бы успели вывезти. А если она здесь, значит, был еще минимум один человек. Застрял тут вместе с ней.

Я вздохнул.

– Возможно, если бы мы пришли сюда вчера, она была бы ещё жива.

– Возможно. Теперь это уже не важно. Заканчиваем

осмотр и возвращаемся – если мы сюда тащились сорок минут, обратно с грузом будем добираться полтора часа.

Мы снова разошлись. Нашли надувную ватрушку – тюбинг, комплект горных лыж, от которых взяли палки, ещё один маленький баллон с пропаном и газовую походную плитку. Выбравшись снова на балкон, мы погрузили припасы и вещи, упакованные в наволочки от подушек, на ватрушку и двинулись назад.

С лыжными палками перемещаться было значительно удобнее, а может быть, у нас уже появился небольшой опыт, но мы добрались назад за полчаса. Слуховое окно теперь стало заметно ближе. Владимир забрался в дом и вынес длинную металлическую трубу, которой мы нарастили дымоход. Затащив внутрь вещи, мы разожгли камин, завели генератор и снова попытались поймать телесигнал. Канал по-прежнему транслировал утреннее сообщение. Я заварил чаю на походной конфорке.

– Что теперь?

Он пожал плечами.

– Ничего. Мы в осаде.

Владимир был военным в отставке и часто использовал подобные термины. Я спросил:

– А чем сейчас занимаются твои коллеги, интересно?

– Тем же, чем мы. Сидят и не дергаются.

– А это правильная стратегия, как считаешь?

– Это стратегия выживания. У нас всего два варианта –

сидеть тут или пытаться куда-то попасть. Куда мы в этой ситуации пойдём?

– Не знаю.

– Вот именно. Здесь у нас шансов немного, но они понятны. А на улице... Ты сам там был только что. Мы до соседа едва добрались.

– Звучит тревожно. Неужели совсем ничего нельзя сделать?

– Ну, есть одна идея. В паре километров отсюда магазин снегокатов. Если добудем парочку, можно будет прокатиться.

– Пара километров. Теперь это на другом краю света.

– Вот об этом я и говорю. Сидим и не дергаемся.

Запись в телевизоре прервалась, и появился человек в гражданском. Он стоял посреди большого помещения с серыми стенами. За его спиной висел флаг, стояли софиты. Он начал довольно банально.

– Дорогие сограждане! Я говорю тем, кто меня может слышать! В стране объявлено чрезвычайное положение! Введен комендантский час! Все, кто способен передвигаться, должны явиться в пункты сбора. Мы начинаем ликвидацию последствий экологической катастрофы! Повторяю, всем, кто меня слышит!

Владимир выключил звук.

– Все, кто еще не замерз. От правительства помощи не будет.

– С чего ты взял?

– Они не собираются нас вытаскивать. Ты не слышал? Все, кто способны передвигаться...

– А те, кто не способен?

– Теперь это их проблемы.

– И наши тоже. Где ближайший от нас пункт сбора?

Он схватил меня за плечо и встряхнул.

– Очнись! Какой пункт сбора! Мы никуда не пойдём.

– Почему?

– Они все проморгали. Эти пункты – фикция. Даже если они есть, там не хватает еды и места на всех.

– Но есть же сеть бомбоубежищ! Там можно укрыться.

– Там можно задохнуться. Как они, по-твоему, собираются очищать от снега вентиляцию? Кислородных баллонов хватает на двенадцать часов, не больше.

Он задумался.

– Нам тоже стоит об этом беспокоиться. Когда засыплет слуховое окно, у нас появится большая проблема.

Мы поднялись наверх и стали думать. Если снегопад продолжится с прежней интенсивностью, дом окончательно засыплет уже через сутки. Через двое над крышей будет еще два метра снега. А через трое нам уже ни за что не удастся отсюда выбраться.

Я спустился вниз и принес две бутылки пива – пока у нас оставалась хотя бы эта небольшая радость. Мы выпили за надежду и стали разрабатывать дальнейшую стратегию. Опре-

делившись, допили пиво и стали разбирать платяные шкафы – нам было необходимо много крепких досок. Закончив работу, я еще раз выглянул наружу и сделал замер уровня снега – по моим расчетам получалось, что к утру придется откапывать выход с чердака.

Я долго не мог заснуть, ворочался и отгонял тревогу. Наконец, уже в третьем часу, мне удалось задремать. Разбудил меня Владимир.

– Просыпайся. По крыше кто-то ходит.

Я сел в кровати и прислушался. Действительно, раздавался какой-то странный топот, будто кто-то быстро печатает на клавиатуре.

– Что это?

– Не знаю. Уже минут пять слышно.

– Проверим?

Он ничего не сказал, но я его понял. Стараясь не шуметь, мы поднялись на чердак и открыли слуховое окно. Странный звук пропал. Остаток ночи был совершенно испорчен, мы до утра прислушивались, но так ничего и не услышали. Я приготовил завтрак, мы поели и поднялись наверх – нужно было узнать, что происходит на улице.

Как я и предполагал, окно чердака было засыпано. Мы расстелили брезент и стали выгребать на него снег. Его оказалось не так много – хотя в нашем положении это и звучало смешно. Пробив выход наверх, мы вынесли и вытряхнули брезент. Наша идея спасения от погребения заживо была

проста – мы решили строить тоннель, по мере повышения уровня снега прокладывая его под углом в тридцать градусов к горизонту и укрепляя пол и потолок досками. Затем закрепили первый лист фанеры, надежно прикрутив его к стене дома, сверху натянули брезент и спустились вниз. Каждые три часа мы проверяли выход на поверхность, убирая снег и заново натягивая брезентовый навес. Под вечер уровень сугроба достиг полутора метров от нижней части слухового окна, и мы начали укреплять верх тоннеля. Ночью продолжали просыпаться каждые три часа и убирать снег. По мере необходимости мы добавляли досок, соединяя их между собой шурупами. Утром дом уже полностью скрылся под снегом. Внутри наступила полнейшая темнота, но генератор пока еще заводился, хотя и с большим трудом – двигателю необходим был кислород для работы, а единственным вентиляционным отверстием оставалась его выхлопная труба. После двадцати минут работы он начинал чихать, в гараже становилось невозможно находиться, и мы выключали аппарат. С отоплением было попроще, только камин начал сильно дымить. Правда, и дом остывал очень медленно – снег сам по себе обеспечивал неплохую теплоизоляцию.

Ночь и день у нас перемешались – короткие перерывы на сон в совокупности с темнотой совершенно смазали чувство времени. В обед мы поели, приготовив пищу на походной горелке, и заснули как убитые. Я проспал четыре часа и проснулся первым от странного звука – мне казалось, что

за стенами дома происходит какое-то движение. Подгоняемый странным ощущением, я включил фонарь и подошел к окну спальни. Отдернув шторы, я обнаружил с другой стороны стекла полость. Посветив фонариком, я выяснил, что полость представляет собой нору, идущую вдоль стены дома. Подошел Владимир.

– Что за чертовщина?

– Не знаю. Мне показалось, что снаружи кто-то двигается.

– Может, откроем окно и проверим, куда ведет эта нора?

Я покосился на него с подозрением.

– Ты что, думаешь, ее кто-то прорыл?

– А откуда она тогда взялась?

Я пожал плечами.

– Возможно, это выходит воздух из-под снега. Или он так проседает. Я только точно знаю, что в обоих случаях лезть туда крайне неразумно.

– Почему же?

– Если это полость, образованная в результате оседания или еще чего, то она никуда не ведет. А вот провалиться и застрять там можно очень легко.

– А если ее кто-то прорыл?

– Ты хочешь с ним познакомиться? Что тебе это даст?

Я махнул рукой.

– Мы оба сходим с ума. Это просто дыра в снегу. И я в нее не полезу.

Я снова посветил фонарем в окно. На долю секунды луч

света выхватил что-то полупрозрачное, продолговатое и подвижное. С той стороны стекла прошло молниеносное движение, раздался уже знакомый звук и все пропало.

Мы оба рефлекторно отпрянули назад. Я схватил Владимира за плечо.

– Ты видел?

Он выдохнул, пытаясь успокоиться.

– Видел. Что-то видел.

– Давай проверим остальные окна.

В результате беглого осмотра мы обнаружили еще два похожих хода – один в районе первого этажа и один напротив окон второго. Владимир извлек откуда-то пару охотничьих ножей.

– Жаль, огнестрельного ничего нет.

– Знать бы, в кого нам эти ножи втыкать. Может, нам все-таки показалось?

– Может, и показалось. А нож все равно держи поближе.

Мы поднялись на чердак и занялись расчисткой выхода на поверхность. Снега навалило много, пришлось повозиться. Наконец, укрепив пол и стены на новом участке, нам удалось выбраться наверх. Труба генератора была практически полностью засыпана. Мы спустились вниз, чтобы пройти в гараж – там еще оставалось одно полутораметровое колено. Ненадолго, но хватит. Владимир схватил меня за рукав.

– Подожди. Снаружи может быть небезопасно.

Он осторожно открыл входную дверь, я осветил фонари-

ком в проход.

– Вроде никого.

С ножами наперевес мы стали пробираться к двери гаража. В стенке тоннеля я обнаружил еще одну дыру, ведущую в темноту. Владимир открыл дверь, я прошел в гараж и взял трубу. Стараясь не шуметь, мы вернулись в дом и заперли за собой дверь.

На поверхности по-прежнему было безветренно, и шел снег. Мы установили патрубков и осмотрелись. Снег падал огромными хлопьями. Владимир заметил тихо:

– Я не вижу здесь никаких нор в снегу. Может, их просто засыпает?

Я вздохнул.

– Может, у нас просто начинает ехать крыша? Пойдем внутрь.

Внутри теперь было совершенно темно и страшно. Словно мы зашли в склеп и закрыли за собой тяжелую каменную дверь. Я предложил запустить генератор и включить освещение – все равно через двенадцать часов мы уже не сможем его использовать, у нас просто кончится труба. Мы еще раз совершили вылазку в гараж, включили свет и снова осмотрели все окна. Попробовали поймать телесигнал, но по всем каналам был только снег. И здесь тоже снег. У нас оставалось четыре бутылки пива и куча еды – если мы не задохнемся в ледяной могиле, от голода и жажды тоже не помрем. По крайней мере, не сразу. Шорохов за стенами больше не на-

блюдалось, мы выпили по банке пива и даже немного повеселели. В доме было светло и относительно тепло, у нас была пища, и мы все еще были живы. То ли от усталости, то ли от нервов нас сморил сон, и мы отключились в гостиной на диване на несколько часов.

Меня разбудил Владимир. Света не было – видимо, генератор вырубился из-за недостатка кислорода в гараже. Мы поспешили наверх, боясь, что наш единственный проход наружу обрушен или его завалило снегом слишком сильно. На втором этаже я остановился, снова услышав звуки, идущие из-за стен. Владимир оглянулся.

– Пошли. Нам пора откапываться.

– Опять. Слышишь?

– Да, слышу. Это еще один повод очистить выход на поверхность.

Мы поднялись на чердак, который теперь превратился в верхний уровень подвала, и принялись за работу. Наш тоннель держался крепко, но он был полностью занесен. Я выгребал снег, Владимир относил его вниз, на чердак. Мы преодолели не менее полутора метров, прежде чем я, наконец, пробил рукой отверстие, и в проход хлынул свежий воздух. Несколькими сильными движениями выбил остатки снега, расширив лаз, и позвал Владимира. Мне вдруг страшно захотелось выбраться наружу, на свет из этого склепа и надыхаться. Я выкинул на поверхность заранее приготовленный

лист фанеры и вылез сам. Следом за мной выбрался Владимир.

Мы сидели рядом и молча смотрели на странных существ, кишачих вокруг на ровной, как доска, снежной равнине. Они были практически прозрачные, словно изготовленные из силикона, тела их были округлые, вытянутые и гибкие, с множеством коротких конечностей. Они отдаленно напоминали сороконожек, только размером были со взрослого человека. Ближайшая к нам прозрачная тварь внезапно раскрыла тонкие стрекозиные крылышки и, издавая шуршащий звук, оторвалась от снежной поверхности. За долю секунды покрыв разделяющее нас расстояние, она зависла в метре над снегом, не долетев до нас совсем немного. Боковым зрением я увидел, что еще несколько летунов проявляют к нам интерес, подбираясь поближе. Я с трудом перевел дыхание.

– Что это за твари?

Владимир ответил совершенно спокойно, словно просил передать сахар.

– Правильнее будет спросить не что, а КТО.

– Кто? Что ты хочешь сказать?

Его спокойный голос подействовал на меня умиротворяющее, и я смог взять себя в руки. Владимир вытянул палец, показывая на что-то впереди. Я пригляделся.

Сквозь белую пелену снега проступали очертания огромного полупрозрачного шара, висящего неподвижно прямо в воздухе. Он слабо мерцал. Вокруг сновали сотни этих стран-

ных существ, влетая и вылетая из него через невидимые глазу отверстия. Я схватил друга за руку.

– Они на нас не нападают!

Странное создание продолжало висеть в воздухе, издавая крылышками тихий шелест. Его многочисленные конечности шевелились, и было сложно определить, в какой части тела расположены глаза. Если они вообще имеют глаза. Владимир хмыкнул в своей обычной манере. Я посмотрел на него – он был совершенно спокоен.

– Конечно, не нападают. Нападают на врага.

– Хочешь сказать, мы им не враги?

– Уже нет.

– Что значит – уже?

– Мы больше не враги. Когда противник побежден, он перестает быть врагом. Он становится побежденным противником. Все кончено. Они победили.

Я посмотрел вокруг. Странные существа исчезали и появлялись, с удивительной грацией ныряя в снежную массу. Те, что парили в воздухе, сами немного напоминали снежные хлопья, которые продолжали бесконечным потоком сыпаться с неба. Теперь это был их мир. У меня не было ни малейшей тени сомнения.

Прозрачная сороконожка ещё немного повисела перед нами в воздухе, развернулась и улетела по своим делам. На нас никто не обращал внимания. Я посмотрел на Владимира.

– Как глупо.

Он кивнул и усмехнулся.

Январь 2019 года.

Москва

Февраль

Счастье – это когда тебя понимают,
Большое счастье – это когда тебя любят,
Настоящее счастье – это когда любишь ты.

Конфуций

Грязь.

Весь город был в грязи. По грязным дорогам неслись грязные автомобили, разбрызгивая грязь по тротуарам и стенам домов. Воздух был пропитан влажной, липкой грязью. Она была холодной и пахла сыростью. Даже в помещениях бизнес-центра ощущалось её присутствие – ею пахло синтетическое ковровое покрытие, обувь, курильщики, которые каждые сорок минут выбегали травиться на улицу. Они возвращались, неся с собой запахи бензина, никотина и грязного снега.

Настроения работать не было совершенно. Цифры путались, столбцы в таблицах постоянно исчезали, словно по волшебству. Специалист по компьютерам Паша подходил, терпеливо возвращал пропажи на место и уходил выполнять дальше свою работу. Он никогда не делал замечаний, но она видела в его глазах усталое недовольство, и от этого на душе становилось ещё противнее.

Каждый вечер она приходила домой и подолгу стояла в душе под горячими струями, пытаясь отмыть грязь, которую

чувствовала всей кожей. Промокшая обувь сушилась в прихожей, наполняя дом запахом улицы. Три пары утеплённых ботинок пахли даже после того, как были отмыты и натерты кремом. Даже на школьной площадке снег был грязный, пропитанный солью и машинным маслом. Её мальчишки занимались своими делами у себя в комнате, и она приходила к ним, садилась на кровать и смотрела, как они играют. Думать не хотелось.

Она ждала весны, хотя и знала, что это ничего не изменит. Но все равно ждала. На работе она отвлекалась, подолгу наблюдая, как по стеклу стекают капли, скатываются по тонкой пленке жирной грязи и накапливаются у основания оконной рамы. Она так устала от рутины.

В этом месяце отдел не получит премию, у них плохие показатели. Ей вечно не хватает денег, а все вокруг только просит больше и больше. Кричащие рекламные плакаты соблазнительно демонстрируют товары со скидками; она идёт по магазинам, покупает там одежду, но после остаётся только разочарование и, хотя на обложках журналов все улыбаются, показывая новые тренды, она чувствует, что все вокруг пропитано грязью, и от этого все портится.

Она ждёт весны и отпуска. Уедет на юг и целых две недели не будет грязи и сырости. Но это будет ещё не скоро.

В отделе поддержки пахнет изоляционной лентой, микросхемами и курильщиком Пашей. И как в него влезает столько сигарет?

Он оторвался от экрана и посмотрел на сисадмина. Все-таки программистом быть спокойнее. У Паши зазвонил телефон, он снял трубку, вежливо ответил, и устало вздохнув, поднялся с кресла. Сейчас пойдёт к ней.

Он проводил Пашу взглядом, словно невзначай повернувшись в кресле. Паша подошёл к ней, она на миг повернула голову. Эта ямочка на щеке, он так хорошо её знает.

Она стала что-то объяснять, активно жестикулируя, Паша терпеливо кивал. Все своё спокойствие он готов был променять на должность Паши. Паша может общаться с ней каждый день, и всегда есть для этого повод.

Админ немного сдвинулся, наклонившись над клавиатурой, и заслонил её от него. Он знал, что коллега долго не провозится, и обзор восстановится секунд через тридцать, снова открыв его взгляду ямочку и левый глаз с длинными ресницами. Но он отвернулся и стал смотреть в окно. По стеклу скатывались капли, образуя причудливый узор. Он представил, сколько капель встречается, пока доберутся до низа, и стал размышлять, какова вероятность того, что именно эти две смогут слиться и добраться до самого конца.

Она была прекрасна. Каждый день он придумывал повод, чтобы подойти и заговорить с ней. Но он боялся её потерять. Паша бы посмеялся, наверное, услышав такое оправдание.

Но у него нет таких сложностей. У него дар знакомиться с девушками, хотя он и говорит, что просто не делает из этого проблемы. Он бы сказал, что нельзя потерять то, чего у тебя нет. Но у влюблённого есть кое-что, даже когда ничего нет. У него есть шанс. Пока он не сделал отчаянный шаг, у него остаётся этот единственный шанс, и он страшно боится его потерять.

Зазвонил телефон – курьер из службы доставки привёз краски и кисточки. Он накинул куртку и спустился вниз. На улице была слякоть, пахло холодом и свежестью. Он обнаружил курьера – тот стоял под деревом, на котором сидели синицы и переругивались с воробьями. Вдохнув свежий воздух, он подошёл, расписался на бланках и отправился назад, ловко стряхнув с ботинок налипший снег.

Паша уже сидел на своём месте. Он скосил глаза – она снова сидела к нему спиной.

– Разобрались?

– Разобрались. Могла бы уже и запомнить.

Он не ответил. Распаковал посылку и стал рассматривать содержимое – набор кистей и масляных красок, рулон хорошей бумаги, ещё кое-что. Паша выглянул из-за монитора.

– Что сейчас рисуешь?

Он пожал плечами.

– Развязку на шоссе.

– Не самое лучшее время рисовать трассы.

Он снова пожал плечами. Паша кивнул.

– Покажешь?

– Как закончу, обязательно.

У него зашевелились волосы на затылке – знакомый запах духов, сладкий и опасный одновременно, пахнул сзади.

– Паша, можно тебя ещё на секундочку?

Паша ответил, отработанно улыбнувшись, и поднялся, бросив ему по дороге:

– Ладно, Художник. Пойду спасать мир.

Он уткнулся в компьютер, от волнения написав за пять секунд половину кода, над которым размышлял последний час. Он кожей чувствовал, что она на него смотрит.

Он ехал домой и думал, как все будет. Туманная и серая, развязка над трассой скрыта пеленой капель, висящих во влажном воздухе. Огни автомобилей и рекламных плакатов чуть размыты, и тяжелое небо слегка отсвечивает огни города. Картина будет пахнуть теплотой и суетой мегаполиса, и будет слышно, как щебечут синицы внизу на деревьях. А в одной из машин будет она – она едет забирать детей из школы после работы. Она слушает спокойную волну и думает... О чем она думает? Это не важно. Она может думать о чем угодно, ведь это ничего не меняет. У него теперь есть нужные краски, и этот вечер она проведёт с ним рядом.

Отдел лишили премии в этом месяце, но он не думал об

этом. В январе у него купили картину, которую он назвал «Под мостом». Покупатель был щедрый и не стал торговаться, так что денег у него теперь было даже больше, чем нужно. Вообще, он не пытался зарабатывать рисованием – на него редко находили откровения, но в последнее время он чувствовал, что все видит иначе – более четко, более подробно, на другом уровне. Это случилось после того, как он нарисовал её. Ямочка на щеке и длинные ресницы. Тот коллекционер предлагал очень большую сумму за полотно, но он отказался продавать картину. Он даже не мог представить, как это – продать её. Слово он продавал тот самый, единственный шанс, который так боялся потерять.

Дома его встречал попугай и запах холостяцкой квартиры – пыли, краски и незаправленной кровати. Попугай достался ему от бывшей жены – их отношения породили только его, да ещё большое количество усталости. Усталость они делить не стали, а попугай остался, потому, что про него даже и не вспомнили. Теперь он к нему привык и считал его хорошим приятелем с бедным словарным запасом.

Он разделся, перекусил и разложил кисти. Ему не терпелось снова побыть с ней.

Ноготь сломался. Она достала пилку и попыталась испра-

вить ситуацию. Ей снова был нужен Паша, но было неудобно дергать его еще раз. Она решила, что займется пока другой работой – выдержит небольшую паузу перед тем, как опять позовёт его.

Мужчины в отделе ее раздражали. От одних дурно пахло, другие говорили всякую ерунду, и абсолютно все с ней флиртовали. Не так, чтобы навязчиво, нет, но она всегда чувствовала эти попытки. Кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. И зрелые дядьки с животами, и парни помоложе, с дурацкими прическами и жидкой щетиной, и холостые и женатые. Это злило, ведь было совершенно очевидно, что с двумя детьми для серьезных отношений она не годится.

Только один мужчина в отделе был приличным, но он вообще не обращал на неё внимания. Может, поэтому и казался лучше других. Он был стройный и симпатичный, может, слегка неряшливо одетый, и наверняка он был занят. Так всегда бывает – все самое приличное расхватывают еще до завтрака. Паша как-то брякнул подружке из отдела кадров, что этот парень пишет картины. Админ его называл Художником, а как его на самом деле зовут, она и не знала.

Немного повозившись с ногтем, она уткнулась в компьютер. В конце концов, у неё есть двое мальчишек, а больше ничего и не нужно. Дотянуть до весны, а там будет легче. Весной будет меньше грязи.

Начальник попросил их задержаться, чтобы завершить согласование работы сегодня – у него горели сроки. Она может

опоздать в школу, а забрать детей как назло сегодня некому. Время поджимало, а совещание все не начиналось. Как же она все это ненавидит! Она уткнулась в компьютер и принялась стучать по клавишам. Серое небо за окном исторгало на город грязный мокрый снег.

На листке в клеточку, вырванном из блокнота, постепенно проступали очертания пагоды. Ему нравилось делать ни к чему не обязывающие наброски японских пейзажей, которых он никогда не видел вживую. Этой весной все-таки нужно туда съездить. Это будет просто чудесно – найти в цветущих вишневых садах тихое спокойное место и нарисовать такое же, только с натуры. Он добавил несколько легких штрихов, закончив ими склон крыши. Разговор за спиной, на который он в задумчивости не обращал внимания, становился все громче, в нем появились резкие интонации. Она о чем-то спорила с начальником. Художник прислушался.

– Николай Николаевич, вы прекрасно знаете, в какой я ситуации! В семь мне нужно быть в школе, я все закончила, если будут вопросы...

– Через пятнадцать минут совещание. Мы и так отстаем от графика, сегодня нужно все доделать.

– Вы же знаете, что это надолго! Если бы вы предупредили заранее...

– Решайте этот вопрос, я не могу вас отпустить.

– Но мне нужно забирать детей!

Он уже мог идти домой – отдела поддержки горящие сроки бухгалтерии совершенно не касались. Через пять минут рабочий день заканчивается, он свободен...

Шальная мысль молнией осветила сознание, ударила в сердце, вызвав в груди пожар эмоций. Он развернулся в кресле и посмотрел на неё – она была бесподобна в гневе. На щеках играл румянец, глаза горели, грудь высоко вздымалась от волнения. Он чувствовал – ещё немного, и она заплачет. Или бросит на стол начальника заявление. Скорее второе. Он не понял, как оказался на ногах.

– Давайте я заберу ваших мальчишек.

Повисла оглушительная тишина. Николай Николаевич с недоумением посмотрел на него, но он этого не заметил. Он смотрел ей в глаза, и чувствовал, что тонет. На её лице читалось растерянное удивление, которое постепенно сменялось подозрением. Боже, что он наделал! Пожар в груди продолжал бушевать, но не мог растопить ледяной иглы, внезапно проткнувшей сердце.

Она смотрела на него, и разные странные чувства сменялись в ее душе, одно за другим. Зачем он... почему... чего он хочет... она его едва знает... доверить детей...

Она быстро строила между ними стену из предрассудков и недоверия, камень за камнем, вот ещё один ряд кирпичей и все, привычный порядок вещей восстановлен! И тут она, наконец, заглянула ему в глаза.

Говорят, что надежда заразна. А еще говорят, что чем она сильнее, тем заразнее. Он отдал ей свой единственный шанс, и у него больше ничего не осталось. Он так думал, пока не отдал его. Но он ошибался – у него ещё осталась надежда, и она была сильна – ведь кроме неё, у него больше ничего теперь не было. Он тонул в её глазах, погружаясь все глубже и глубже, чувствуя, что вместе с ним тонет и его способность видеть этот мир глазами художника. А она все молчала, и это было самое громкое молчание, которое можно было себе представить.

Художник смотрел на неё, и в глазах его была надежда. Что-то шевельнулось у неё внутри, она вдруг вспомнила, что у неё дома висит маленькое чёрное платье, которое, она уверена, ему непременно понравится. Необычное чувство становилось все сильнее – это было так странно, как давно забытый запах, который будит множество приятных воспоминаний. Этот запах вытеснил все остальные – и запах грязи, и бензина, и мокрого снега. Она поняла, что улыбается. А потом поняла, что улыбается ему.

А потом она ответила:

– Хорошо.

Одно слово потушило пожар, пролившись на него тропическим ливнем. Он не испытал облегчения, на него обрушился шквал других ощущений – ему казалось, что он может прямо сейчас взять и полететь, куда захочет, только если она будет рядом. Он не знал, что улыбается. Но он знал, что теперь все получится – он подружится с мальчишками, он покажет ей свои картины, и ему не придётся ничего объяснять – она все увидит своими глазами, и ямочку на щеке, и длинные ресницы.

Ведь она сказала – хорошо.

А это значит, что весна пришла.

Февраль 2019 года

Москва

Март

Мартовские зайцы.

Почему именно мартовские? Потому, что в марте они самые безумные. В марте вообще все становится слегка безумным. Погода безумно мечется между зимней метелью и весенним солнечным теплом, зверье мечется в поисках подходящей пары, а люди мечутся в неистовом порыве понять, что же им нужно в этой жизни. Это вообще их нормальное состояние, но в марте оно достигает своего апогея.

Сыну Зайчихи уже стукнул год, а он все так же задает бессмысленные вопросы.

– Мама-мама-мама!

– Что, дорогой?

– Почему все зайцы за тобой гоняются?

– Потому, что сейчас весна.

– А почему они не гонялись зимой?

– Потому, что зимой холодно.

– А почему зимой холодно, а весной тепло?

– Потому, что так все устроено. Во всем лесу зимой холодно, а летом тепло.

Зайчиха нервно огляделась – ей казалось, что за ней наблюдают.

– Мама-мама-мама!

– Что?

– А за лесом тоже зимой холодно?

– За лесом поле. Там тоже зимой лежит снег.

– А за полем что?

– За полем река.

– А за рекой?

– За рекой лес.

– А за лесом?

– Поле.

– А за полем?

Она отодрала длинный лоскут ивовой коры со ствола и принялась жевать.

– Вшо также, как тут. Леш, поле, река. Потом шнова.

Заяц подумал над ее ответом и успокоился. Он подозревал, конечно, что все несколько сложнее, но это даже и к лучшему, что он ошибался. Лес, поле, река. Потом снова. Очень понятно.

Зайчиха повернулась в сторону кустов и стала разглядывать взрослого самца, который косил на нее красным глазом. Ну вот, опять...

– Папа, папа!

– Что, дорогая?

– А почему зайцы в марте такие смешные?

– Весной у всех животных гон. Они создают семьи и раз-

множаются.

Он взял у дочери бинокль и посмотрел в него. Под кустами на другой стороне поля сидела зайчиха и два зайца – один покрупнее, второй помельче.

– У них брачные игры. Видишь, как они вокруг нее выются?

– Да, вижу. Зайцы смешные.

Девочка отобрала у отца бинокль и стала разглядывать зверьков.

– Папа, папа!

– Что?

– А на других планетах в марте тоже зайцы смешные?

– На других планетах нет зайцев.

– Почему?

– Потому, что жизнь есть только на Земле. Другие планеты не годятся для жизни.

– Но может где-нибудь далеко-далеко...

– Нет, доченька. Даже очень далеко.

Она отдала отцу бинокль и задумалась. Конечно, было бы так здорово, если бы где-то в космосе, на далекой планете жили зайцы... Но так даже спокойнее. На Земле все равно лучше всего. А в космосе темно и холодно, и метеоритные потоки. Потоки – так рассказывает учитель в школе.

Он снова приложил бинокль к глазам и стал наблюдать за зайцами. Самка толкала крупного самца передними лапами, но он был настойчив и все не уходил.

Он подумал, что им сильно повезло – они жили в таком спокойном месте, когда вокруг бушевала война, эпидемии и экологические катастрофы. По телевизору постоянно передавали разные ужасы. У них в городке все было спокойно. Никаких перебоев с пищей, электричеством и водой, как в мегаполисах. Даже странно. И природа.

Иногда на него накатывали беспокойные мысли – ему казалось, словно за ними кто-то наблюдает, но потом он вспоминал, что все у него в порядке, и тревога отступала. Только Светлана из соседнего отдела все никак не успокоится – не может понять, что она совершенно не в его вкусе.

– Тэцэ-тэце-тэцэ!

– Что, Кр-цке?

– А почему люди в марте такие странные?

– У них период гона.

– Тэцэ!

– Что?

– А у других людей тоже весной гон?

– Других людей нет, Кр-цке. Это последние.

– Совсем-совсем?

– Совсем. Во время последнего весеннего гона на своей планете они самоликвидировались.

Ок-то-ктт посмотрел в фотонный биосинетик, разгляды-

вая взрослого самца и маленькую самочку. Всего сорок тысяч особей, так написано на информационной панели. Зуммер синхронизатора в его задней паре глаз напомнил, что зоопарк закрывается через пятнадцать оборотов.

– Поплыли, Кр-цке. Тебе завтра рано вставать, а биторбидные уравнения в любом случае придется ответить на отлично, иначе тебя не переведут на следующий уровень. Нужно успеть перекодировать клеточную память до вечера.

Они развернулись и поплыли прочь, освещаемые слабым светом гаснущего информационного табло, на котором было написано:

«Девятьсот восьмидесятая ячейка сохранения самоуничтожившихся полуразумных видов. Homo Sapiens. В контакт не вступать. Не кормить. Не учить. Не забирать домой. Невоспроизводимая остаточная популяция».

Март 2019 года.

Москва

Апрель

– Иван Андреевич, что-то вы сегодня мрачный.

Джипси Дуглас Мария Логан обеспокоенно поглядывал на Лопатина, который все сидел, так и не донеся чашку с чаем до рта, и смотрел куда-то вдаль, за гряды синих гор, над которыми висели большие капли-озера.

– Иван Андреевич!

Лопатин очнулся, заметил в руке чашку, отхлебнул и снова уставился в пространство.

Дуглас принялся убирать со стола.

– Оставьте, Мари, прошу вас. Лучше принесите нам ещё чаю.

Джипси Дуглас Мария Логан, он же камердинер, он же дворецкий, он же начальник службы безопасности, а также повар и гувернёр, изысканно поклонился и отправился в соседнее помещение. Он нажал несколько кнопок на панели для приготовления десертов, дождался окончания программы, забрал поднос со свежим чаем и вернулся в гостиную.

– Сэр.

Иван Андреевич оживился и принялся намазывать масло на хлеб.

– Вы знаете, дорогой Мари, что сегодня просто замечательный день?

– Вы находите, сэр?

– Да нет же, Мари. Я не о погоде.

Лопатин сделал паузу, чтобы прожевать бутерброд.

– Сегодня меня будут судить за преступления против человечества.

Дуглас ловко налил себе чаю.

– Разумеется, сэр. Я подготовил два комплекта телелинз, через десять минут начинается прямая трансляция из зала суда.

– О, не стоило, Мари. Я не люблю все эти телешоу, вы же знаете.

– Как вам угодно, сэр.

– Но вы смотрите, если хочется. Будьте любезны, ещё чашечку, пожалуйста.

Дуглас наполнил фарфоровую чашку новой порцией ароматного напитка и одел телелинзы.

Заседание должно было начаться через минуту.

Виктор Саданго поправил галстук, ещё раз проверил разложенные на столе документы. Обвинение было полностью готово, от адвоката подсудимый отказался, так что защита прокурора совершенно не беспокоила. И все же это был знаковый процесс, на котором любые ошибки станут фатальными для карьеры юриста. Виктор посмотрел на судью, пытаясь понять, в каком она настроении. Судья, как и все возвратные

трансгендеры, проявляла мало эмоций. Саданго не заметил на ее идеально гладкой коже ни единого признака человечности. А ведь всего пять лет назад в российской провинции Китая запрещено было брать на судейские должности людей, которые меняли пол более одного раза. Виктор был согласен с этой доктриной – как человек может судить других, если даже не способен разобраться в себе? Сам он ещё ни разу не менял пол, и желания это делать пока не возникало. Хотя, неизвестно, как он будет смотреть на это, скажем, лет через семьдесят?

Судья встала, и зал поднялся. Заседание объявили открытым. Она развернула дело.

– Международный суд по правам человека в Сиднее против Лопатина Ивана Андреевича. Дело номер три тысячи двести тридцать три. Иск от имени Международной миротворческой организации объединённого Китая, Америки и Английского королевства. Далее ММО. Лопатин Иван Андреевич, 1994 года рождения, село Атрой Алтайского края бывшей территории России, ныне государства Объединённый Китай, округ Алтай, Российской провинции. Обвиняется в преступлениях против человечества. Суд рассмотрит обвинения в порядке очередности, согласно давности. Пункт первый – обвиняемому вменяется осознанное создание препарата, блокирующего ограничение деления соматических клеток в теле человека, иначе препарата, провоцирующего бессмертие. Обвиняемый создал этот препарат и придал

огласке результаты исследований, несмотря на все ужасающие последствия этого поступка. Суд вызывает обвинение.

Виктор встал. Он неожиданно для себя начал волноваться и вспотел – кондиционеры в зале не справлялись с палящим зноем Сиднея. Когда дела рассматривали в Гааге, работать было значительно легче. Но Гаага лежит в руинах, как и большая часть Европы, так что выбирать не приходится. Он подошёл к стойке с лежащим на ней учением Конфуция, положил на книгу ладонь и поклялся, что будет следовать закону на протяжении процесса. Затем повернулся к скамье подсудимого.

Джипси Дуглас Мария Логан вежливо откашлялся.

– Вам зачитывают обвинение, сэр.

Лопатин с интересом поглядел на камердинера.

– Скажите, а к кому они обращаются? К голопроекции или к фотографии?

– К скамье подсудимых, сэр.

– Потрясающе. А судья – Гордон Тиань-Чжау?

– Совершенно верно, сэр.

– Великолепно. Позвольте, я угадаю, какого она теперь пола. Эээ... мужчина?

– Боюсь, вы ошиблись, сэр.

– Эх! Ну и как, симпатичная?

– Простите, сэр. Боюсь, я...

– Оставьте, Мари. Я знаю, как вы относитесь к этому вопросу.

Лопатин дотянулся до десертного столика и взял оттуда лаптоп.

– Держите меня в курсе, а я пока займусь восемнадцатым астероидом. Там совсем немного осталось доделать.

Виктор читал обвинение долго и подробно.

Лопатин Иван Андреевич изобрёл губительную формулу в 2029 году, сразу же предав огласке процесс получения вещества. Уже через два с половиной месяца на Земле не осталось ни одного человека, который бы не принял таблетку. Сам Лопатин даже не претендовал на права изобретения, в связи с чем возник ряд неприятных ситуаций.

Обвинение настаивало на том, что Иван Андреевич прекрасно осознавал все последствия своих поступков и действовал намеренно. А поскольку последствия оказались страшными и необратимыми, его действия несли совершенно преступный характер.

Через два года после изобретения таблетки бессмертия Китай лопнул. Не было никакой войны, как многие ожидали. Китай прорвало одновременно в две стороны – огромные неконтролируемые массы гражданских хлынули в Россию и

Монголию, наводняя собой слабо заселенные территории. Через год то же самое произошло с Бразилией и Мексикой. Соединённые Штаты Америки были вынуждены создать радиоактивную зону отчуждения, пожертвовав несколькими штатами. Это остановило бесконтрольную миграцию разрастающегося в геометрической прогрессии населения. Но резко возросшая плотность заселенности пагубно сказалась на экологии – сибирская тайга была вырублена за пять лет, та же участь постигла индийские тропические леса. Европа попыталась последовать примеру Америки, чтобы не повторить судьбу России, но не успела. Китай нанёс по колыбели человечества ядерные удары в попытке удержать территории, отведённые для заражения. Они добились желаемого, но всего на пару дней, а потом ветер принёс на их земли радиоактивные осадки, и все до Уральских гор стало непригодно для жизни.

После этого уже никто не использовал ядерное оружие, но леса погибли и человечество задыхалось. Лопатин во время катастрофы переехал на Мадагаскар и не пострадал.

Виктор сделал паузу.

– Обвинение просит высшей меры наказания за преступления Лопатина Ивана Андреевича.

Судья кивнула. Возражений у защиты не было, и она предложила двигаться дальше.

– Суд принял обвинение по первому пункту.

Иван Андреевич ответил, не переставая работать в компьютере – он управлял ботом, формирующим экологическую картину на восемнадцатом метеорите в дальнем кольце Солнечной системы.

– Замечательно. Там будет что-то ещё?

– Да, сэр. Теперь на очереди ваш отказ от разглашения принципов работы системы терраформирования.

– Это не система терраформирования, Мари, прошу вас. Вам нужно меньше смотреть телевизор. Это – система глобальной эвакуации.

– Прошу прощения, сэр.

– Ну, да ладно. Расскажите потом, чем все кончится.

Виктор Саданго очень подробно изучил обстоятельства дела по сокрытию жизненно важного для человечества изобретения. Там было много сомнительных моментов, и защита с успехом могла их использовать. Например, тот факт, что Лопатин передал патенты в бюро сразу же после завершения испытаний, а они пропали, и как потом сразу три глобальные корпорации попытались присвоить себе авторство разработки системы терраформирования. И как потом оказалось, что они совершенно непригодны. Но он был обвинителем, и его

задачей было донести до суда обвинительную информацию.

Судья поправила (или поправил) очки и огласила второй пункт.

– Лопатин Иван Андреевич обвиняется ММО в умышленном сокрытии изобретения, способного спасти человечество. Речь идёт о системе терраформирования, разработанной обвиняемым в 2038 году. Суд вызывает обвинение.

Виктор начал свою речь с того, что профессор Лопатин укрыв и продолжает укрывать результаты своих исследований намеренно, полностью осознавая их важность для гибнущей цивилизации. К своему удивлению, он увидел, как сидящий за соседним столом государственный адвокат неуверенно встаёт.

– Возражаю! Обвиняемый никогда официально не занимался научной деятельностью, не публиковал работ и не имел учеников, достигших ученого звания. Профессорской степени у него никогда не было, и быть не могло!

Судья кивнула.

– Возражение принимается. Обвинение будет делать комментарий по этому поводу?

Виктор встал.

– Да, ваша честь. Позвольте напомнить суду, что в 2040 году обвиняемый изобрёл телелинзы, которые заменили телевизоры. В 2041 году Академия наук Африканского континента за это изобретение присвоила ему звание почетного

члена академии и профессора. Этот титул официально признан ММО.

– Спасибо, господин Саданго. Возражение защиты отклонено.

– Сэр, а вы знали, что у вас есть ученая степень?

Лопатин посмотрел на Дугласа поверх очков.

– У меня их семь. О какой из них идёт речь?

– О той, что за телелинзы.

– Они все за телелинзы.

– О. Все семь?

Иван Андреевич посмотрел в панорамное окно, наблюдая, как над горами два каплевидных озера сливаются в одно.

– Понимаете, Мари. Людям не интересно то, чего они не понимают. Поэтому они награждают всегда тех, кто им понятен. Телелинзы – это понятно. Человек, который их придумал, тоже понятен. Так что да, я трижды профессор и четырежды кандидат телевизионных наук.

Иван Андреевич весело улыбнулся и снова принялся стучать по клавишам.

Адвокат сконфуженно сел на место, а Виктор продолжил.

– В 2042 году обвиняемый открывает производство работающих систем терраформирования, продолжая скрывать от общества принцип их устройства. Он использует для этого средства, полученные от продажи патентов на телелинзы. В течение трёх лет он производит неизвестное количество аппаратов, которые по предположениям астрофизиков ММО сейчас находятся в зоне дальнего метеоритного кольца Солнечной системы. Прошу суд изучить снимки, сделанные астрономами ММО. На них отчетливо видно, что ряд крупных метеоритов приобрёл атмосферу, а данные спектрального анализа указывают на наличие воды и биологических объектов. Таким образом, обвиняемый не только скрыл принцип работы терраформирующей установки, но и принцип работы телепорта. Поскольку иначе он никак не смог бы доставить приборы на пояс астероидов.

Судья долго рассматривала копии фотографий, вложенных в раскрытое перед ней дело. Виктор знал, что она их уже видела, и вся эта показуха была нужна только репортерам, которых в зале суда скопилось великое множество. Наконец, она оторвалась от снимков и сделала ему знак продолжать.

– Таким образом, обвинение просит высшей меры наказания за преступления обвиняемого по второму пункту. Также обвинение просит суд обязать обвиняемого обнародовать принципы работы его изобретений, поскольку они могут спасти человечество от гибели.

Защита молчала, и судья объявила перерыв, закрыв обсуждение до вынесения приговора.

Лопатин, наконец, закрыл лаптоп.

– Ну что, какие там у них новости?

Дуглас снял одну линзу, переведя изображение в моно режим.

– Суд объявил перерыв.

– Что думаете, у меня совсем нет шансов?

– Боюсь, что нет, сэр.

– Вот и замечательно. Посмотрите, Мари, какая красота!

Иван Андреевич вывел изображение с экрана в гало проекцию. Над столом появился голубой шар с озерами, реками, тонкими, словно иглы, пиками гор, между которыми были натянуты серебряные мосты. Зеленые поля сменялись сосновыми лесами, наполненными жизнью.

– Все так, как вы заказывали, сэр Джипси Дуглас Мария Логан.

Дворецкий разглядывал шар с удивлением и восторгом ребёнка.

– Простите, сэр. Я не помню, чтобы заказывал у вас что-то.

– Заказывали-заказывали. Я умею слушать, как видите. Вот ваши шпилы, вот ваши леса.

Лопатин нажал пару кнопок, изображение сместилось в долину, на берег огромного сверкающего озера.

– А вот ваш Кастл-Рок, сэр Логан.

На красной скале, нависая над водой, стоял замок из серо-белого мрамора. К нему вела проселочная дорога, уходящая в поле, а затем в лес. Дуглас только покачал головой.

– Я просто не знаю, что сказать, сэр.

Он достал из кармана белый носовой платок и ненадолго отвернулся.

– Когда я говорил, что у вас будет свой собственный мир, я имел в виду именно свой собственный мир, Мари. Вы знаете, я точен в определениях.

– Сэр, все-таки вы волшебник.

Иван Андреевич нахмурился и погасил голограмму.

– Да? А мне иногда кажется, что я полный кретин.

Суд, наконец, закончил совещание. Виктор сделал своё дело, теперь оставалось только ждать. Приговор будет вынесен заочно, поскольку обвиняемый находился вне физической досягаемости, предположительно – на астероиде HF2243 дальнего пояса Солнечной системы. Уже 17 больших небесных тел подверглись терраформированию, все телескопы мира, способные туда дотянуться своими стеклянными глазами, пристально следили за тем, как подсудимый

без разрешения и одобрения общества, обустроивает новый мир у них над головами. В прямом и переносном смысле.

Судья устало опустилась в кресло.

– Суд готов вынести приговор по делу о преступлениях против человечества обвиняемого Лопатина Ивана Андреевича.

Наступила полная тишина. Виктор смотрел на судью, сохраняя беспристрастное и слегка печальное выражение лица – он знал, что сотни миллиардов людей сейчас видят его через персональные телелинзы.

– Обвиняемый приговаривается к высшей мере наказания по всем пунктам обвинения и принуждается к разглашению секретов терраформирования, после чего он будет подвергнут процедуре аннигиляции.

Она стукнула молотком, и микрофон передал усиленный звук в телелинзы всего мира, а оттуда, проникнув через кости черепа во внутреннее ухо, преобразовался в нейронный импульс, который мозг мгновенно расшифровал и интерпретировал должным образом – приговор вынесен, приговор обжалованию не подлежит.

Виктор встал, собрал документы и неспешно покинул здание суда. Он протиснулся сквозь толпу орущих репортёров, которые совали микрофоны ему прямо в лицо, запрыгнул в такси и захлопнул дверь. Только когда машина тронулась, он достал из портфеля телефон и позвонил.

– Алло. Мари? Это Виктор. Все кончено.

Лопатин стоял на балконе, любуясь гигантской радугой, которая образовалась после короткого ливня.

– Сэр?

– Да, Мари.

– Виктор Саданго покинул здание суда.

– Хорошо, это хорошо. Попросите Егора Михайловича, пусть он его перебросит к нам.

– Конечно, сэр.

– И сразу его ко мне. Я буду внизу, у водопада.

Иван Андреевич спустился по широкой каменной лестнице в сад и прошёл по аллее, засаженной огромными фиолетовыми цветами. Дорожка упиралась в беседку, стоящую на берегу озерца, образованного падающим с невысокой скалы горным ручьём. Он устроился в кресле и прикрыл глаза.

– Иван Андреевич?

Лопатин приподнялся и увидел прокурора.

– О, Виктор, приветствую вас! Ну, рассказывайте!

Саданго сел напротив.

– Вас признали виновным по всем статьям.

– Это можно обжаловать?

– Боюсь, что нет, сэр.

– Замечательно. Будьте любезны, в-о-о-о-н там, за вазой, стойка. Шардоне 2020 года. Да. Открывайте.

Виктор разлил вино по бокалам.

– И все-таки я не понимаю, зачем вам все это нужно, сэр.

Иван Андреевич протянул свой бокал, и они выпили. Лопатин немного помолчал и ответил:

– Вы отлично сработали. Благодарю. Вашу семью уже перевезли на семнадцатый астероид. Назовёте его сами, как вашей душе угодно.

– Спасибо, сэр. И все же...

Иван Андреевич рассмеялся, а потом вдруг стал очень серьёзен.

– Люди, Виктор. Им нужна цель. У людей есть два истинных двигателя – инстинкт самосохранения и ненависть. Даже идиот сейчас понимает, что планета гибнет. А теперь каждый идиот знает из-за кого. У них над головой висит путь к спасению, и здесь же обитает главный враг всего человечества, но чтобы его достать, им придётся забыть мелкие дрязги, перестать тупеть в телелинзах и начать думать. Я просто пытаюсь сделать так, чтобы они все поумнели. Им придётся поумнеть, иначе они никогда меня не достанут. Вот чего я добиваюсь. Я не могу их пустить сюда сейчас, вы понимаете? Они все изгадят, как изгадили на Земле. Нужно качественное изменение всего человечества.

Виктор сделал большой глоток – вино было превосходным.

– А если у них не выйдет?

Лопатин пожал плечами.

– Значит, зло победит. Снова.

Они звонко чокнулись и осушили бокалы.

Апрель 2019 года

Москва

Май

Разноцветные вспышки на темном небе. Пахнет свежей краской. Старым домом. Вскопанной землей.

Ветер гнал по утоптанному двору пыль и мелкий мусор. Николай Семёныч ушёл за пивом, да так не вернулся. Василий покрутил плитку домино, положил её обратно, на обитый жестью деревянный стол. Быстро темнело.

Из-за угла кирпичного старого двухэтажного дома выбежала девочка. Василий махнул ей рукой. Она заметила и подбежала, весело подпрыгивая.

– Тебе не пора домой, Ариночка?

Она забралась на скамейку и пристроилась рядом с дедом.

– Ага. Сейчас пойду. Дед, а что это ты тут сидишь, один?

– Так нет никого.

– А что ты со всеми не пойдешь? Все празднуют.

Василий покачал головой.

– Не могу.

– А почему?

Он переставил пару плиток местами, помолчал немного.

– Стыдно мне.

В небе расцвел золотой шар первого залпа праздничного салюта. Девочка вскочила и стала трясти Василия за руку.

– Дед, смотри, смотри скорее!

Он посмотрел, и снова принялся собирать из плиток фигуры. Включился уличный фонарь.

– Дед?

– Что, Ариночка?

– А зачем салюты пускают?

– Салюты... Салюты пускают, чтобы призраков отпугивать.

– Даа? А это помогает?

Василий пожал плечами.

– Не всем.

– Дед, дед! А зачем их отпугивать? Призраков?

– Чтобы они вопросы неудобные не задавали.

– Неудобные? Какие неудобные?

– Такие, на которые отвечать неприятно, Ариночка. Иди-ка ты домой, мама уже волнуется. Из окошка посмотришь.

Она убежала в сырой подъезд, из которого пахло плесенью. Дом давно уже пора было сносить, да все никак. Василий покачал головой, словно осуждая кого-то, неизвестного. В небе снова бабахнуло.

Ровно год назад пришёл к нему ночью призрак. Сел на кровать и говорит:

– Узнаешь?

Василий узнал.

– Ты мой дед, Никон.

– Не забыл. Хорошо.

За окном расцвели воздушные цветы и осыпались разноцветным дождем.

– Что, палят?

Василий пожал плечами.

– Так праздник же.

– А что празднуют?

– День Победы.

Никон приподнял одну бровь – он всегда так делал, когда удивлялся.

– Какой такой победы?

– Нашей победы, дед. Ты что ж, забыл?

Дед поднял вторую бровь.

– А кого это вы победили? Ну, рассказывай, давай!

Василий тут как-то весь съежился и натянул повыше одеяло.

– Да не мы, дед. Вы победили.

– Ааа. Понятно. Так, а что ж тогда празднуете, раз не вы победили?

Тут Василий совсем растерялся. Задумался. А Никон сидит молча, смотрит.

– Так это чтобы показать, что помним, что гордимся. Поэтому.

Никон погрозил внуку пальцем.

– А что это ты помнишь? Витьку Жареного помнишь?

Который в болоте насмерть замёрз? А как Матвея, радиста, танком задавило? Ни рации, ни Матвея. Не помнишь. Я вот помню. Как со мной Николай Иванович Федорин намучался, пока осколок из спины доставал. Щербатый очень осколок попался, никак не хотел вылезать. А как портянки на Малиновом Яру стирали... А Глаша из медсанбата...

Он почесал небритую щеку, вокруг глаз собрались веселые морщинки.

– Есть что вспомнить. Не скажу, что всем горжусь, но пожил не зря. А ты-то чем гордишься?

Василий ответил не сразу. Неудобные у деда вопросы все какие-то, не знаешь, как бы сказать, чтобы потом тошно не было.

– Горжусь, что врага победили. Для потомков, для будущего.

– Да, и то верно. Хорошо мы их тогда причесали. Небось, до сих пор оклематься не могут!

Василий снова натянул повыше одеяло. Дед посмотрел на него пристально, словно мысли прочитал.

– Это что ж получается? Их дети лучше наших живут? Как же так вышло-то?

За окном снова засверкали огни.

– И чем же вы гордитесь? Чем гордитесь, Васенька?

Проснулся Василий и всю ночь не смог глаза сомкнуть. Поэтому и сидел сегодня один, а мужики ушли праздновать. А он не мог. Он встал, собрал домино в коробочку и скрылся в темном сыром подъезде старого дома, который построили те самые люди, те самые призраки, которых каждый год отпугивают яркими вспышками в ночном небе.

Май 2019 года.

Москва

Июнь

Во Вьетнаме начало лета – непредсказуемая пора для бизнеса. Сезон дождей в Халонге достигает своего пика как раз в июне, но это далеко не самое страшное.

Я разогнул затекшую спину и в тысячный раз выжал мокрую тряпку. Воду со второго этажа мы согнали по ступеням каменной лестницы, но оставался ещё холл и ресепшн. Возле стойки лужа была почти по колено. Старый француз Филипп Руже стоял в ее центре с ведром в руках и задумчиво чесал взлохмаченный седой затылок. Я спустился вниз, швырнул тряпку в угол – она утонула.

– Что будем делать, Фил? Нам бы не помешал насос.

Он пересек холл, рассекая мутную воду, словно баржа, и выглянул наружу.

– Стоянка еще затоплена. Нужно ждать, пока все не стечет. А насос – это хорошо. Загляни к Майклсону, может, он поделится.

Я вышел из гостиницы и побрел по колено в воде, в которой плавали прелые листья, мусор и куски древесной коры.

Я уже два года был в доле с Филиппом, после того, как выкупил у него часть земли и построил на ней двенадцать аккуратных бунгалов. Они были оснащены кондиционерами с системой контроля влажности и пользовались хорошим спросом у моих соотечественников, для которых вечно мокрые

простыни были так же непривычны, как и грязь на улицах. И вот уже второй год я проклинаяю тот день, когда уехал из ГENUИ.

В прошлом июне нас затопило не так сильно. Мы потратили три недели горячего сезона, чтобы привести в порядок территорию, закупить новые продукты взамен испорченных и починить электропроводку. В этом году все было гораздо хуже.

Я обогнул очередное поваленное дерево и вышел, наконец, к отелю Майкельсона. И понял, что насос он мне не одолжит.

Маленький двухэтажный отель был практически полностью разрушен. Тайфун сорвал с него крышу и обрушил заднюю стену. Тот факт, что территория Майкельсона располагалась на возвышенности, избавил его от потоков грязной воды, но подставил под удар ураганного ветра. Сам Джек сидел, свесив ноги, в оконном проеме, из которого ветер вырвал раму вместе с косяком. Я помахал ему рукой. Он весело улыбнулся и поманил меня к себе.

– Эй, Соле, идите сюда.

Он перегнулся назад, я услышал как Джек шебуршит чем-то под окном. Он выпрямился, держа в руках пачку дорогих сигарет.

– Все вверх дном. Давайте покурим, Соле, я знаю, что вы курите.

– Да, курю. Когда есть время. Я хотел попросить...

– Вот и замечательно. Знаете, я с самого утра все думаю, когда же вы придёте.

Он распечатал пачку и достал две сигареты – они пахли настоящим табаком. Я взял одну, и мы закурили. Заглянув через его плечо в комнату, я покачал головой.

– Ваша мебель... зря вы выбрали драпированные дверцы.

– Да, вы правы. Тогда мне эта идея показалась очень оригинальной.

Белоснежные тканевые поверхности сейчас представляли плачевное зрелище – мутные разводы, пятна земли и глины украшали двустворчатые шкафы, туалетные столики и кресла. Я спросил:

– Что собираетесь делать?

Он пускал кольца дыма и улыбался, разглядывая ярко-голубое небо.

– Думаю, уже можно идти на пляж. Обычно к этому времени мусор уносит в океан.

– Я не об этом.

Меня страшно раздражала его легкомысленность. Нужно забрать насос и возвращаться.

– А, вы про отель... Ерунда, починим. Нет, конечно, со стеной придется повозиться, а крыша практически полностью уцелела.

Я покосился на него с подозрением.

– Майклсон, ваша крыша лежит на земле.

Он рассмеялся.

– Не вся. Фасадная часть повисла на дереве. Но стропила металлические, так что это без разницы.

Я подумал, что он повредился умом из-за бедствия.

– Джек, у вас есть водяной насос? Нас здорово залило, нужно откачивать.

Он кивнул, хлопнул меня по плечу и, что-то весело напевая, скрылся в развалинах. Я курил и разглядывал сорванную крышу, одной стороной висящую на здоровенном баньяне. Помнится, Руже говорил, что Майклсон купил этот отель именно из-за него.

Присмотревшись, я понял, о чем говорил Джек – крыша и вправду была практически цела. Как ее не покорежило при падении, оставалось загадкой, но металлическая конструкция оказалась на земле в том же виде, в котором лежала на здании. Несколько листов кровли оторвалось, а в остальном был полный порядок. Кроме того, что она вся была не на своем месте.

Майклсон вернулся и с довольной улыбкой вручил мне насос – как раз такой, какой был мне нужен.

– Держите, Соле. Занесете, когда все закончите.

Он накинул на плечо пляжное полотенце и пошлепал в сторону моря. Я ухватился поудобнее за ручку, крякнул и потащил свое сокровище назад, в родное болото.

Руже носил ведрами воду и выливал ее в наполненную до краев канаву. Увидев насос, он все бросил и побежал

навстречу. Мы установили устройство, прикрутили к нему длинный садовый шланг и вывели слив в сотне метров от стоянки. Слушая, как равномерно работает двигатель, перекачивая воду, мы сидели на спинке уличной скамейки, забравшись на нее с ногами, и наблюдали за процессом осушения. Я сказал:

– Майклсон ушел на пляж.

Фил издал звук неопределенного значения, что-то между ухмылкой и подтверждающим мычанием. Я добавил:

– Его вечно довольная рожа сейчас просто выводит из себя. Вы видели, во что тайфун превратил его отель?

– Ага.

– Даже не представляю, как он будет его восстанавливать.

Руже снова ухмыльнулся. Я спросил:

– Что это вы веселитесь?

Он немного подумал, и сказал:

– Пойдемте-ка, выпьем кофе. Вода уйдет минут через сорок, не раньше.

И он отправился в дом. Я поспешил за ним – мне вдруг показалось, что я чем-то обидел старика. Руже прошел на кухню и включил большую кофе-машину, которую выписал прямо из Франции, и которой очень гордился. Пока он делал кофе, я попытался навести порядок на одном из столиков в ресторации. Мы сели, Фил извлёк неизвестно откуда сигару, зажег ее и спросил:

– Скажите, Соле, вы любите истории?

– Не знаю. Смотря какие. Если это про дожди и ветер, то лучше не стоит.

– Нет, не волнуйтесь. Это скорее про снег и колючую проволоку. Ну, так как?

– Давайте. Все равно, нам еще полчаса сидеть без дела.

Тугие струи ледяной пыли резали лицо, причиняя резкую боль, несмотря на то, что кожа практически потеряла чувствительность. Из белой пурги выплывали стволы деревьев, проваливались назад и навсегда исчезали, создавая между Яковом и зоной плотную стену.

Он шел больше трех часов. Через сорок минут начнется переключка, и он не сможет поднять руку, когда назовут его фамилию.

– Чивин Яков!

Тишина будет капать на бетонный пол, сотни глаз, не моргая, уставятся в пространство, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Чивин Яков!

По задним рядам пройдет шепоток, пустит волну вперед.

– Тишина! Заключенный номер четыреста пятьдесят два ноль тридцать восемь, Чивин Яков Михайлович! Поднять руку!

Никто не поднимет руку. Вот он, Чивин Яков Михайлович

– или это его тень, идёт сквозь тайгу навстречу завывающий пурге, чтобы найти здесь свою смерть.

Он надеялся, что непогода отобьет запах. Другого шанса уйти далеко не было – он был не первый и не последний, из тех, кого приводили назад. Ничего хорошего после этого не происходило. Яков натянул повыше засаленный шарф и ещё больше наклонился вперед – встречный ветер держал его в своих объятиях, не давая упасть, отталкивая назад.

Он шел вперед, не обращая внимания на боль. Он привык всегда идти, не останавливаясь, всегда вперёд и вперёд. Он создал свою маленькую империю, шагая упрямо, не поворачивая, не оглядываясь и не сдаваясь. Они делали отличные, высокотехнологичные вещи, и их уважали на рынке. Все было так правильно.

Пока он не стал получать прибыль. Прибыль стала началом конца. Она росла и росла. Часть прибыли он тратил на развитие, часть на себя. Еще часть откладывал, делая это с умом. Именные чеки, офшоры, иностранные банки, акции крупных международных корпораций. И, наконец, настал день, когда он стал слишком заметен.

Об этом не ходили легенды – все сделали тихо и аккуратно, как водится, на глазах у всех. Полицейские опечатали офис, оборудование изъяли, в доме Чивина нашли наркотики, а через два долгих месяца коррумпированного судебного процесса он уже ехал по этапу сюда, в сибирскую тайгу, с билетом в один конец. Его имущество было конфискова-

но, счета арестованы. Но он не складывал все яйца в одну корзинку, и кое-что проскользнуло между жадных пальцев временщиков.

Он шел двое суток. Просто шел, не думая ни о чем, пока, в конце концов, не упал лицом в снег. Мягкое покрывало пурги накрыло его, и беглец отключился.

Ему снился карцер. Третий карцер в его жизни. Ему сломали три ребра в камере, а потом охрана засунула его сюда. В карцере не было света, не было звука. Была только боль. Она стучала в висках, скатывалась вниз, к животу, поднималась к груди. Только в этот раз больше болели пальцы. Пальцы ног – они просто горели огнем. Он подумал – странно, били его в грудь и по спине, а болят пальцы. Яков проснулся.

Он лежал, засыпанный снегом. Тепло его дыхания проделало в насте маленькое отверстие, через которое поступал кислород. Господи, как же холодно.

Он поднялся и сел, с хрустом проломив корку снега. Тайга искрилась в солнечных лучах, было раннее утро. Левая нога горела. Он вытащил её из валенка, размотал портянку, трясясь от холода и нестерпимой боли. Два пальца были отморожены – обувь прохудилась, внутрь проникла влага, резко увеличив теплопроводность войлока. Чивин достал из кармана заточку и стиснул зубы.

Старик все говорил и говорил. Я совсем потерял счёт времени. Когда он остановился, я словно очнулся ото сна.

– И что же он? Выжил?

Руже не ответил, задумавшись.

– Фил! Так его, выходит, поймали?

Француз оторвался от своих размышлений.

– Нет, Соле. Он сбежал.

– И что же с ним стало?

– Он перешел границу с Китаем через четыре месяца. Добрался до ближайшего отделения Американ Экспресс и оттуда запросил перевод по номеру именного чека.

– И что? Что было дальше?

– Дальше? Дальше он приехал во Вьетнам и купил небольшой отель, построенный подле старого баньяна.

Я долго молчал, складывая в голове мозаику.

– Как, вы сказали, зовут этого человека?

– Яков Михайлович Чивин.

У меня в голове вдруг стало совсем пусто. Поблагодарив Руже за историю, я поднялся наверх, нашёл в шкафу сухое полотенце и отправился к морю.

Джек лежал на мокром песке, разглядывая огромную стаю чаек, пожирающих выброшенную на берег рыбу. Увидев меня, он улыбнулся.

– Такая отличная погода! Вы не представляете, как правильно сделали, что пришли.

Я подсел к нему и посмотрел на его голые ноги. На левой не хватало пальцев – безымянного и мизинца. Майкль-

сон достал пачку сигарет, и мы снова закурили. Я знал, что подобные вопросы задавать не принято, но мне непременно нужно было узнать точно.

– Скажите, Майкельсон, какая ваша настоящая фамилия?

Он приподнялся на локте, к которому прилипли белые песчинки.

– Филипп Руже?

– Ага.

– Как же он любит поговорить.

– Ага.

– Мы с ним приехали сюда почти в одно время – он обо-гнал меня на пару месяцев. Пока делали ремонт, Фил разре-шил пожить у него. Вы знаете, у Руже куча знакомых, в са-мых разных сферах. Филипп тогда здорово помог мне с до-кументами.

– Он сделал вам другое имя.

Джек поймал маленького краба, пробежавшего боком между нами, и стал его рассматривать.

– Почему же другое?

Я задумался. Верно, все верно. Майкельсон. Сын Майкла. Михайлович...

– Джек Майкельсон-Чивин. Ну да, ну да.

– Я хотел оставить хотя бы это.

Он сел и стал смотреть на волны. Я сказал:

– Я так разозлился на вас сегодня утром.

– Понимаю.

– Правда?

– Я многих раздражаю. Просто...

– Что?

Джек выпустил крабика и стал смотреть, как тот убегает, не переставая собирать ротовыми конечностями крошки еды с поверхности песка.

– Знаете, Соле, когда я первый раз вышел из карцера, из этого чистилища, то сказал себе, что буду наслаждаться каждым мгновением этой жизни. Каждым звуком, каждым вздохом, каждым лучом солнца. А тут все цветет, тут все живет, звучит, греет, поёт, тут просто невозможно злиться на судьбу. Согласитесь?

Я тоже поймал краба и стал рассматривать симметричный узор у него на панцире. Никогда раньше не замечал, что он такой хитрый, этот узор.

– Знаете, Майкельсон. Приходите сегодня вечером к нам, устроим вечеринку.

– Обязательно приду, Соле. С огромным удовольствием!

Июнь 2019 года.

Москва

Июль

Из открытого окна в залу проникал горячий ветер, неся с собой звук шагов тысяч марширующих солдат. Последняя планета в этой системе пала, сдавшись без боя великому императору Юлию. Прокуратор дальнего рукава великой туманности Август Непреклонный отодвинул штору и посмотрел вниз, на площадь Конституции, по которой нескончаемой вереницей следовали легионы армии Кратории, бессмертной и непобедимой. Он довольно ухмыльнулся, и в этот момент почувствовал за спиной чьё-то присутствие. Он сделал незаметное движение средним пальцем правой руки, и в ладонь из рукава выпала рукоять плазменной плетки – оружия, которым владели только представители высочайшего сословия империи. Август неторопливо обернулся.

Перед ним стоял сухощавый предатор Константин, недавно назначенный ему в советники после гибели Лавруса Мудрого.

– Советую вам не подкрадываться ко мне сзади, советник. Это может плохо для вас кончиться.

Константин пожал плечами.

– Конечно, Прокуратор.

Август коротко кивнул и вновь повернулся к окну.

– Говорите, зачем вы здесь.

Предатор поклонился спине собеседника и сказал абсо-

лютно нейтральным голосом:

– Нам необходимо обсудить вопрос Рангора.

– Рангора?

– Государство Рангор, на южном континенте Металлы.

– Мы захватили Металлу, и марширующие по ней легионы – неоспоримое тому подтверждение. Отныне не может быть никаких обсуждений. Воля Императора – единственная и неоспоримая истина.

Константин слегка поджал губы.

– Государство Рангор имеет независимый статус на планете Металла.

– Что за глупость. Планета с двумя государствами? В любом случае, это ничего не меняет. Они не могут выдвигать империи своих требований, планета захвачена.

– Я ваш советник, и прошу выслушать меня, мой прокуратор.

Август, наконец, повернулся к нему лицом.

– Постарайтесь не тратить впустую мое время.

Предатор склонился в почтительном поклоне.

– На Рангор никогда не нападали. Их внешняя политика направлена на устранение внешней угрозы в самом зародыше, коим является инициатор нападения. За две тысячи лет существования Рангора никто не пытался на них напасть. Ни разу. У нас есть очень веские примеры проявления внешней политики Рангора.

Константин замолчал. Прокуратор кивнул.

– Двух будет более чем достаточно.

– Двести лет назад кочевники из системы Аквана напали на Металлу, объявив войну всей планете. Ровно через три часа после этого Бессмертный Наездник Таганум погиб, затоптанный его собственным жеребцом на глазах всего командования флагманского звездолета.

– Дальше.

– Девяноста пять лет назад покоренная вами Карсанта объявила, что более не желает делить Металлу с Рангором. Решение было принято единогласно советом парламента, все его тридцать два члена проголосовали за объявление войны соседу. Через два с половиной часа все они погибли – в Капитолий врезался потерявший управление межпланетный транспорт. Самое удивительное – весь персонал в этот момент был вызван в соседнее крыло для прохождения инструктажа по безопасности. Нападение так и не состоялось.

Прокуратор некоторое время расхаживал по огромному залу, и эхо его шагов отдавалось от стен, расписанных портретами предыдущих властителей Карсанты. Наконец, он остановился.

– Мы захватили эту планету более двух местных суток назад. Пока я не вижу проявлений внешней политики Рангора. Советник запахнул полы мантии и вновь поклонился.

– Мы так и не объявили им войну, мой командир.

– Ошибаетесь. Утром Великий Император Юлий направил распоряжение о насаждении власти Империи по всей

планете. Это значит, что любые силы, на ней находящиеся, должны подчиниться нашей воле. В противном случае...

– Они будут уничтожены. Да, это объявление войны. Я не знал об этом приказе.

– Это письмо предназначалось только мне.

– Когда вы собираетесь выдвинуть им ультиматум?

– Как раз собирался. Подготовьте все необходимое, через час я сделаю им официальное заявление. Надеюсь, они поступят разумно и сдадутся так же, как и Карсанта. Не хочу с этим затягивать, это расстроит Императора.

Советник ещё раз поклонился и удалился, пятясь. Август вновь подошёл к окну. Легионы продолжали нескончаемой рекой двигаться мимо дворца парламента. Теперь бывшего парламента.

В коридорах было полно солдат, но все расступались, заведя малиновую полосу на мантии Константина. Советник спешил, изредка переходя на бег – слова «прокуратор» и «ждёт», расположенные рядом, сулили беду любому. Предатор распахнул двери зала, охрана расступилась, отдав салют.

– Закройте двери.

Август был очень серьёзен. Советник затворил огромные створки, покрытые искусной резьбой, и приблизился, всем своим видом выражая внимание. Военначальник сделал шаг

ему навстречу, оказавшись совсем рядом.

– Император убит.

Советник на мгновение перестал дышать.

– Рангор сделал свой ход.

– Да.

– Что вы собираетесь делать?

– Уничтожить их.

– Вы же понимаете, что теперь решение за вами?

– Они не смогут ко мне подобраться, Константин. Я отдал соответствующие распоряжения. Дворец защищен от любой атаки, охрана усилена, везде установлены датчики скрытых взрывных устройств. Они потеряли элемент внезапности, а завтра от Рангора останется радиоактивный пепел и некому будет уронить на меня звездолёт.

– Все готово для объявления. Я могу позвать медиа группу?

– Да. Покончим с этим. Я отомщу им за Императора.

Август отвернулся от советника и уставился на продолжающие маршировать легионы, желваки на его лице играли, глаза метали молнии. Он хотел действовать, в его груди горел огонь возмездия.

Внезапно Прокуратор понял, что советник все ещё здесь. Он согнул средний палец, но привычного удара рукояти в ладонь не последовало. Август резко обернулся – Константин стоял на прежнем месте, держа в руке голубую змею. Она слегка подрагивала и искрилась, оставляя на мраморном по-

лу неглубокие борозды.

Древний Римус совершал второй оборот вокруг одного из двух солнц, завершая цикл длиной в девять стандартных галактических лет. На территории Империи Кратории действовали другие единицы времени, привычные ее властителям. Один цикл Римуса соответствовал одному году на всех покоренных Юлием планетах.

Но теперь отец был мертв. Его отравили, подло отравили газом, подмешанным в ингалятор с тонизирующей смесью.

Глаций Юлий Нактана, единственный сын Великого Победителя сел в постели и потерял глаза. Рядом с его ложем сидел Уний.

– С новым днём, мой император. Да не будет он скорбным.

– С новым днём, Уний. Не называйте меня императором, мне ещё не вручили плеть власти.

– Император умер, да здравствует император. Это неизбежно.

– Отец не умер, Уний, его убили.

– Да, мой мальчик.

Старик протянул ему конверт из серой бумаги, запечатанный сургучом.

– Это лежало на вашем ложе, когда я пришёл.

Глаций взял конверт и осмотрел печать.

– Что это за язык?

– Фийский. Язык Рангора.

– Рангор?

– Ваш отец объявил им войну вчера утром. Дальний рукав Великой туманности. Планета Металла. Два государства – Корсанта – сдалась на милость вашего отца, и Рангор. Ему так и не успели объявить войну.

– Я припоминаю...

– Да, ваше величество. Вчера потрясение помутило ваш разум, но все же ничто не ускользнуло от вашего внимания. На Металле был жестоко убит прокуратор Август собственной плетью власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.